

ИСТОРИЯ

УДК 351.741 (470) (091)

В. В. Черных*

БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ БАНДЫ ГРИГОРИЯ КОЧКИНА)

В статье раскрывается борьба с организованной преступностью в 1920-е гг. в Иркутской области на примере конкретной банды Г. Кочкина. Осуществлен анализ причин становления бандитизма в регионе, выявлена специфика географического, экономического и политического детерминизма, приведшего к продолжительному существованию банды. Проанализированы действия и методы правоохранительных органов, использованные ими при планировании борьбы с организованной преступной группой и ее ликвидации. Сделано допущение, что исторический опыт уничтожения криминальной структуры может быть принят к сведению спецслужбами в современных условиях в ходе борьбы с криминалом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бандитизм, правоохранительные органы, экономические и ментальные условия, особенности зарождения криминальной среды, формы и методы борьбы с преступностью.

V. V. Chernykh

THE FIGHT AGAINST BANDITRY IN THE IRKUTSK REGION IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER (ON THE EXAMPLE OF GRIGORIY KOKCHIN'S BAND)

The article reveals the fight against organized crime on the example of a specific gang of G. Kochkin in the twenties in the Irkutsk region. The analysis of the causes of the formation of banditry in the region is carried out, the specificity of geographical, economic and political determinism is revealed, which allowed the long-term existence of the gang. The article analyzes the actions, forms, and methods used by law enforcement agencies in planning the fight and elimination of an organized criminal group. It is possible that this historical experience of eliminating a criminal structure can be used by special services in modern historical conditions in the fight against crime.

* **Черных Владимир Васильевич**, доктор исторических наук, профессор Восточно-Сибирского института МВД России.

KEYWORDS: *banditry, law enforcement agencies, economic and mental conditions, features of the emergence of a criminal environment, forms and methods of combating crime.*

История борьбы правоохранительных органов с бандитизмом в Восточной Сибири в 1920-х гг. раскрывает ключевые механизмы становления советской правоохранительной системы, демонстрируя, как в условиях послевоенной разрухи, высокой мобильности вооруженных групп и дефицита профессиональных кадров вырабатывались оперативные подходы, сохранившие значение на десятилетия. Одним из характерных эпизодов стала ликвидация банды Григория Кочкина в Иркутской области. Этот случай дает возможность проследить эволюцию тактики розыска от традиционных облав к комплексным мероприятиям с агентурным внедрением и межведомственным взаимодействием.

Внимание к данной теме продиктовано желанием не только раскрыть одну из малоизвестных страниц истории, но и рассмотреть определенный опыт (как позитивный, так и негативный) практического противодействия организованной преступной группе в сложных экономических и политических условиях. К сожалению, по данной теме нет солидных работ, наличествуют только пробные исследовательские проекты, отличительной стороной которых является раскрытие и анализ архивных данных, что усиливает их значимость и объективность.

Переходный период начала 1920-х гг. в Восточной Сибири, включая уезды Иркутской губернии, характеризовался наложением последствий Гражданской войны на медленное восстановление хозяйства, вследствие чего общественные связи разрыхлялись, экономические отношения перестраивались, а правоприменительные практики, только формируясь, не обеспечивали стабильного контроля над отдаленными территориями, насыщенными оружием, боеприпасами и наводненными людьми с фронтовым опытом. Возвращаясь из белых и красных формирований, бывшие бойцы, обладавшие навыками ориентирования в тайге и дисциплиной походного быта, оказывались без гарантированной занятости, в итоге, склоняясь к сезонным заработкам, мелкой контрабанде и охране караванов, постепенно втягивались в полукриминальные практики, которые, закрепляясь в условиях товарного дефицита, трансформировались в устойчивые вооруженные образования. Сохранившиеся в тайниках по линиям прежних фронтов винтовки, револьверы и патроны обменивались на нелегальных рынках, в результате чего уровень насильственной преступности удерживался на заметных высотах, подталкивая власть к поиску новых организационных и тактических решений.

Экономические особенности нэпа, проявляясь в сибирской глубинке с задержкой, находили выражение в дисбалансе цен, перебоях в

снабжении и растущей разнице между спросом на промышленные изделия и их доступностью, что, подогревая недовольство населения, стимулировало возникновение нелегальных схем сбыта меха, рыбы, соли, спичек, тканей и керосина. Вдоль трактов, соединявших волости с уездными центрами (качугское, лыткинское, александровское направления), формировались зоны риска, где малые партии товара, двигавшиеся по лесным дорогам, становились объектом пристального внимания налетчиков, выстраивавших собственную логистику, используя лесные стоянки, охотничьи избышки и укрытия на берегах притоков Лены и Ангары. Разветвленная речная сеть, усложняя преследование, давала преступникам возможность уходить по воде, перетаскивая лодки по коротким волокам, меняя маршруты и запутывая след. Весной и ранней осенью, разжижая дороги и усложняя тем самым конное патрулирование, природа словно работала на сторону разбойных групп [1, с. 67–69].

Социальная ткань пригородных и таежных поселений в результате миграций населения и административных реформ теряла устойчивые механизмы самоорганизации, поскольку старые общинные институты, обеспечивавшие взаимный контроль, ослабевали, а новые формы власти, утверждаясь, нуждались во времени, кадрах и материальной базе. Семьи фронтовиков, переселенцев и ссыльных, перемещаясь волнами, меняли структуру спроса на работу и продукты, увеличивая нагрузку на местные рынки, вследствие чего сельские сходы и волостные исполкомы, решая бытовые конфликты, часто сталкивались с угрозами, исходившими от вооруженных людей, прикрывавшихся «справедливым переделом», но действовавших по логике криминального контроля. В таких условиях жители, стремясь обезопасить хозяйство, вступали в сложные отношения с налетчиками: кто-то, надеясь избежать репрессий, предоставлял им ночлег и фураж, кто-то, пытаясь сохранить нейтралитет, передавал сведения о передвижениях милиции, не осознавая последствий и тем самым поддерживая устойчивость преступных сетей.

География региона, предъявляя собственные требования, предопределяла специфический характер угроз: протяженные лесные массивы, чередуясь с болотами и каменистыми грядами, делали бесполезными прямолинейные прочесывания местности крупными цепями, требуя маневра малыми конными группами, умеющими идти без дорог, скрываясь, ночуя в зимовьях и работая автономно. Маршрутные операции, проводимые по ориентировкам, часто запаздывали, поскольку связь, базируясь на редких телеграфных линиях, зависела от погодных условий, а курьеры, преодолевая десятки верст, расходовали время, за которое банда успевала сменить район. Отсутствие радиосредств, недостаточный уровень моторизации милицейских структур, дефицит исправных лоша-

дей с выносливостью для тайги, дополняясь нехваткой грамотных проводников, снижали оперативную плотность контроля, позволяя налетчикам, пользуясь ложными следами и ветровыми тропами, уходить на безопасную дистанцию.

Кадровая ситуация в органах внутренних дел в послевоенных условиях оставалась напряженной: молодые милиционеры, проходя ускоренные курсы, получали базовые навыки обращения с оружием и документацией, но редко – полноценную подготовку по ориентированию в тайге, ночным переходам, тактике засад и конспирации, что заставляло руководство уделять внимание наставничеству, формируя смешанные группы, включавшие опытных охотников, бывших партизан и сотрудников уголовного розыска. Возникали новые практики: учет подозрительных лиц, составление описаний конских мастей и сбруи, фиксация следов подков, картирование неофициальных переправ, наблюдение за местами скупки меха и металлоизделий, где чаще всего всплывала похищенная ноша. Всё это, аккумулируясь в волостных отделениях и уездных управлениях, формировало зачатки аналитической работы, позволяя переходить от ответных рейдов к упреждающим мероприятиям, выстроенным вокруг информации, полученной от агентуры [2].

Важным фактором становилась сезонность преступной активности, изменявшейся вместе с охотничьими циклами, рыболовными промыслами и навигацией: зимой, уплотняя снег, налетчики охотно пользовались санными дорогами, действуя внезапно и исчезая, уходя на зимовки; весной, срывая снабжение, распутица ограничивала их маневры, зато облегчала наблюдение на ключевых переправах; летом лес насыщался ягодниками и промысловиками, и банда растворялась в людских потоках, что затрудняло выбор целей; осенью, при закрытии воды шугоходом, преступники активизировались на трактах, стремясь пополнить запасы перед холодами. Правоохранители, анализируя эти ритмы, настраивали патрульные графики, усиливали посты в «узких горлышках» и инициировали ложные караваны, проверяя реакцию наблюдателей, сливавшихся с местным населением и передававших сведения «вверх по цепочке».

На криминальную картину воздействовали также серые схемы торговли, подпитываемые спросом золотопромышленного пояса и речной навигации: в артелях и на пристанях, оживлявшихся летом, концентрировались наличность и товар, что привлекало криминальные посреднические структуры, установившие «правила прохода» для мелких перевозчиков. Двигаясь короткими переходами между зимовьями, такие группы, часто не афишируя себя как банду, взыскивали неофициальные платежи, оставляя заявки «на обратном пути», вследствие чего граница

между вымогательством и «охраной» размывалась, а население, привыкнув к «новым порядкам», уже не рассматривало каждое требование как преступление. Именно на этой почве возникали структуры вроде кочкинской, использовавшие дисциплину, конспирацию и репутацию «атамана тайги», цементируя авторитет демонстративными акциями, направленными против тех, кто отказывался подчиняться.

Административные преобразования и укрупнение волостей, проходя неравномерно, временами создавали «ничейные» зоны ответственности, где старые участковые границы утрачивали актуальность, а новые еще не получили кадрового наполнения, вследствие чего сигналы о налетах и подозрительных перемещениях обрабатывались с задержкой. Переплетение компетенций милиции, уголовного розыска и органов госбезопасности, формируя механизмы взаимодействия, одновременно порождало бюрократические разрывы, особенно заметные в ситуациях, требующих скорого решения: вопрос командования сводным отрядом, порядок доступа к агентурной информации, распределение трофейного имущества и учет задержанных. Преодолевая эти сложности, уездные управления, шаг за шагом налаживая межведомственные связи, приходили к выводу, что без системной агентурной работы, включая внедрение в окружение лидеров, изменить баланс сил на трактах практически невозможно.

Психологический аспект в противодействии преступности играл не меньшую роль, чем силовой: люди, наблюдая, как налетчики наказывают «предателей» и щедро одаривают «лояльных», начинали воспринимать банду не как случайную угрозу, а как устойчивый параллельный институт, действующий по знакомым правилам и оказывающий быстрые, пусть и криминальные, «услуги правосудия». Правоохранительные органы, стремясь переломить эту тенденцию, организовывали публичные демонстрации результатов операций, информировали население через волостные сходы, поддерживали свидетелей, переселяя их в безопасные места, и, опираясь на местных жителей, имевших авторитет (старост, завклубов, учителей), выстраивали сети доверия, позволяющие получать первичные сведения о перемещениях подозрительных всадников, ночевках в заброшенных стайках и внезапных закупках сухарей и крупы. Именно так, аккумулируя «мелочи», удавалось реконструировать маршруты, по которым двигались группы, причастные к нападениям на Качугском тракте [3, с. 12–13].

Транспортно-коммуникационная специфика Восточной Сибири, препятствуя централизованному контролю, требовала от милиции формирования мобильных конных команд, умеющих действовать автономно неделями, добывая пищу охотой, ремонтируя сбрую своими силами и

ведя наблюдение с использованием природных укрытий. Появлялись «лесные» наставления: как распознавать свежесть следа по крошке льда на переправе, как «читать» обрывки коры на привязях, как определять по отпечаткам подков скорость перемещения лошади и массу ее ноши. Эти практики, перенимаемые у промысловиков и охотников, постепенно входили в служебный оборот, создавая основу для методик, которые впоследствии будут считаться классическими при использовании для противодействия бандформированиям в таежных районах. Без таких знаний преследование превращалось бы в бесконечные круги по лесу, сжирающие силы и не дающие результата, тогда как правильно поставленная разведка, опираясь на сеть наблюдателей, позволяла направлять усилия, сокращая расстояние до цели.

На макроуровне криминогенная обстановка в Иркутской губернии складывалась под влиянием четырех пересекающихся блоков факторов: военного наследия, выразившегося в избытке оружия и наличии у населения боевого опыта; экономических дисбалансов нэпа, создававших стимулы для нелегальной торговли и «крышевания»; природно-географических условий тайги, предоставлявших криминальным элементам убежища и маршруты отхода; институциональной незрелости правоохранительных структур, наращивавших компетенции в ходе самой борьбы. В результате любой эпизод насилия, происходя на тракте или у переправы, оказывался вписан в сеть устойчивых отношений снабжения и обмена, сопровождаемых страхом, из которой вытаскивать «нить» без кропотливой агентурной работы и пошагового подрыва тылов было попросту невозможно. Именно в этой многослойной среде, с переплетением фронтового опыта, конспирации и опорой на локальные связи, оформилась группа Григория Кочкина, сумевшая использовать тайгу как естественный щит и логистическую платформу для налетов.

Итак, общий фон в регионе к концу 1920-х гг. рисовался предельно контрастно: с одной стороны – усиливавшаяся вертикаль управления, наращивавшая дисциплину и материальную обеспеченность милиции; с другой – адаптивные вооруженные группы, корректировавшие тактику и географию атак в зависимости от сезона, состояния дорог и активности патрулей. Перелом наступал лишь тогда, когда правоохранители, обмениваясь информацией и действуя скрытно, лишали банды доступа к фуражу, проводникам и «тихим» переправам, параллельно демонстрируя населению неизбежность наказания и гарантируя защиту свидетелям. В этом контексте дальнейшее рассмотрение формирования шайки Кочкина и основных эпизодов ее деятельности позволит увидеть, каким образом под влиянием перечисленных факторов возникла конкретная криминальная организация

с узнаваемой структурой, репутацией и набором приемов, определивших характер противостояния на Качугском тракте.

Процесс формирования кочкинской шайки разворачивался не одномоментно, а через последовательное спрессовывание личных связей, фронтового опыта и потребностей полукриминальной экономики трактовой торговли, вследствие чего первоначальное ядро сложилось из небольшого круга знакомых по Гражданской войне, доверявших друг другу и владеющих дисциплиной походного быта. В первые месяцы будущий лидер, нащупывая конфигурацию будущей группы, действовал осторожно, проверяя кандидатов в условиях коротких «пробных» вылазок, организуемых под видом охраны караванов и сопровождения сезонных обозов, тем самым отбирая людей с умением держать язык за зубами, ориентироваться в тайге и работать в темпе ночных переходов. Сохраняя внешнюю респектабельность и пользуясь репутацией опытного «лесного человека», Кочкин, устанавливая нормы внутренней дисциплины, сразу пресек разнузданный быт, вводя порядок ротации караулов, строгий расход боезапаса и учет трофейного имущества. Такая претензия на «организацию» выгодно отличала группу от стихийных ватаг [3, с. 14].

Структурно шайка оформилась как гибкая сеть, ядро которой насчитывало 8–12 постоянных бойцов, а периферия, расплываясь, объединяла сочувствующих, проводников и снабженцев, подключавшихся на короткие эпизоды для выполнения разовых поручений и уходивших в тень до следующего сигнала. Внутри ядра складывалось функциональное разделение: «передок» – три-четыре конных стрелка, способных молниеносно перехватить цель и удержать ее до подхода основной группы; «середина» – наиболее надежные люди, занимавшиеся охраной добычи и контролем задержанных; «хвост» – связные и наблюдатели, сохранявшие дистанцию и предупреждавшие о погоне. Дополняла конструкцию пара «тихий» людей без явного авторитета, имевших связи в волостях и умевших добывать сведения о графиках почтовых повозок, перегоне скота, движении купеческих партий тканей и керосина, вследствие чего налеты обретали плановый характер, переставая быть игрой случайностей [4].

Логистика строилась на трех опорных узлах: сезонные стоянки в труднодоступных распадках, запасные зимовья на удаленных ручьях и «переходные» точки с запасом фуража, сухарей и патронов, позволявшие, уходя от преследования, сменить направление и темп. Переходы планировались по принципу рассредоточения: основная группа уходила в одну сторону, тогда как два-три человека, оставляя яркий след, имитировали отход через известную переправу, вовлекая преследователей в

пустой круг, тем временем ядро, забирая к северу или югу от тракта, ночевало в заранее подготовленной стайке, дожидаясь, пока угаснет тревога. На каждом узле хранились неприметные «кассы» – сделанные в торфяниках и под корнями елей тайники с деньгами и товаром, что снижало уязвимость банды при внезапной облаве, потому что потеря одного узла не рушила общий запас.

Тактика налетов эволюционировала вместе с наработкой агентурных связей: от грубых остановок обозов на открытых участках, сопровождавшихся излишним шумом и риском, шайка перешла к точечным вмешательствам в «узких горлышках» – у бревенчатых мостков, бродов, крутых подъемов и сжатых лесом просек, где стрелки, заняв позиции чуть выше дороги, имели огневое преимущество, а цель, теряя скорость, оказывалась не в состоянии совершить рывок. Использовались короткие команды и сигналы, исключавшие лишние слова: свист означал уход «передка» влево, два стука приклада – перемещение «середины» к повозке, мягкий окрик – разоружение возниц без избиений, поскольку бессмысленное насилие, поднимая «шум», разрушало отношения с населением, от которого зависели ночлег, еда и сведения. Важно, что лидер, пресекав кровожадные «инициативы» и удерживая дисциплину, нарабатывал капитал управляемой репутации, заставлявший волостных старост видеть в шайке не толпу головорезов, а структурированную угрозу, с которой приходится считаться.

Отдельного внимания заслуживает внутренний контроль и система поощрений, введенная лидером для удержания дисциплины: трофеи делились поровну, премируя «передок» за риск, но без перекосов, разжигающих зависть; за пьянство, стрельбу без команды и оскорбления местных вводились штрафы «натурой» – лишением доли в следующем деле; за выдумку, позволившую избежать погони, назначалась внеочередная «прибавка», вследствие чего инициативность не подавлялась, а направлялась в контролируемое русло. Поддержание справедливой, пусть и криминальной, экономики позволило Кочкину удержать костяк, минимизируя текучку, которая губила многие стихийные банды, распадавшиеся при первом серьезном прессинге. Дополняя материальные меры, лидер культивировал ритуалы – короткие «советы» перед выходом, перепроверку карты троп, молчаливый «отбой» у костра, за счет чего формировалась корпоративная идентичность, повышавшая устойчивость в стрессовые моменты.

Несмотря на кажущуюся «лесную» замкнутость, шайка активно взаимодействовала с населением через тонкую сеть посредников, действовавших под личиной возчиков, охотников, плотогонов и сельских мастеров. Посредники работали малыми шагами: один человек, ремонтируя

сбрую, узнавал о графике почтовой тройки; другой, под видом обмена соли на шкуры, приглядывался к тому, кто недавно получил деньги за сплав; третий, ночуя у родственников в соседней волости, прислушивался к разговорам о «городских» покупателях тканей. Эти «крошки» информации, собираясь, превращались в маршрутные карты, на которых отмечались «мягкие» цели, не вызывавшие лишней огласки и сулившие скорую вырубку. За молчание и услуги платили не только деньгами: подаренные сапоги, моток бечевки, пуд муки или пачка свечей ценились не меньше, укрепляя горизонт доверия, важный для тайги ничуть не меньше вертикали страха.

Крупные дела готовились с опорой на разведку минимум в две недели, вследствие чего вероятность случайной ошибки снижалась. Типичный сценарий выглядел так: сначала «тихий» наблюдатель подтверждал график и состав партии; затем «передок» дважды проходил участок, отмечая, где дорога «звенит» камнем, а где вязнет; после этого ядро, выходя в ночь, занимало позиции до рассвета, позволяя цели, ничем не тревожимой, войти в «мешок». Внутри «мешка» всё происходило быстро: стрелок без выстрела брал под прицел вожака каравана, двое, не повышая голоса, забирали револьверы и ножи, третий, проверяя тюки, определял, что забрать, а что оставить, поскольку уносить всё, перегружая коней и увеличивая риск погони, считалось дурным тоном. Через двадцать минут дорога пустела, а след, дробясь, уходил на две-три ложные стежки, одна из которых, специально выводя к заметной переправе, кормила иллюзию преследователей, тогда как ядро, смещаясь в бок по едва читаемой зверовой тропе, исчезало в низине.

На позднем этапе, когда оперативное кольцо стало сжиматься, шайка, сохраняя оперативную хитрость, всё чаще переходила к мелким делам и вынужденным перемещениям, экономя боезапас и избегая дневных рисков. Выручка падала, потребности в фураже росли, посредники нервничали, а население, испытанное обысками и ночными допросами, становясь осторожнее, переставало делиться новостями, из-за чего информационный горизонт группы сокращался. Пытаясь компенсировать, Кочкин сделал ставку на быстрые рейды к периферийным переправам, где власть еще не успела закрепиться, однако именно серия таких бросков, оставившая больше следов, чем обычно, облегчила аналитикам розыска построение вероятностных карт, позволивших спланировать засадные мероприятия в «узких горлышках» и сорвать несколько попыток пополнить запасы. С этого момента путь шайки к финалу стал неизбежным: иссякала сеть снабжения, редели варианты отхода, а дисциплина, оставаясь формально строгой, начинала давать сбои в мелочах, которые в таежной войне стоят дороже выстрелов.

Итак, формирование кочкинской группы прошло путь от тесного фронтового ядра к устойчивой сетевой структуре с функциональным разделением ролей, развитой логистикой и прикладной тактикой «узких горлышек», тогда как основные эпизоды ее активности демонстрировали прагматическую ориентацию на ресурсы и управляемую публичность, поддерживавшую образ «сильной руки». Далее целесообразно показать, как сложившийся оперативный инструмент, накапливаясь и обкатываясь на промежуточных эпизодах, был применен для системного сжатия пространства маневра, приведшего к финальной ликвидации банды.

Переходя от реактивных облав к проактивному розыску, уездные отделы милиции и уголовного розыска, действуя в координации с органами госбезопасности, выстраивали многоуровневую систему, сочетающую разведывательно-аналитические процедуры, агентурное проникновение и синхронизацию силовых групп, благодаря чему эпизодические успехи стали складываться в устойчивую тенденцию сжатия пространства маневра банды. Базовый принцип сводился к тому, чтобы, концентрируя внимание не на самих налетах, а на логистике и коммуникациях группы, перехватывать потоки информации, фуража и боеприпасов, тем самым подрывая устойчивость сети, на которой держалась кочкинская шайка.

Организационно розыск опирался на три взаимосвязанных контура. Первый – информационно-аналитический: в уездном управлении создавался «журнал маршрутов и следов», куда участковые и наряды свозили данные о свежих отпечатках подков, странных закупках сухарей, появлении незнакомых коней, скачках цен на овес и керосин, фиксируя мелочи, которые поодиночке ничего не значили, но, совмещаясь, превращались в карту вероятных перемещений. Второй – оперативно-агентурный: с опорой на надежных проводников, артельщиков, плотогон и старост формировалась сеть наблюдателей, действовавших без афиширования и передававших сигналы через условные знаки и «немые» письма, что позволяло избегать засветки. Третий – силовой: конные команды и смешанные группы, обеспеченные проводниками и снабжением на автономные выходы, держались «на корде» в двух-трех часах марша от ключевых участков тракта, будучи готовыми быстро сместиться под аналитические ориентировки.

Агентурное внедрение, будучи основным инструментом, организовывалось по ступенчатой схеме. На внешнем кольце работали «свободные уши» – люди, имевшие легальное прикрытие (кузнецы, прачки, трактирщики, мастера по упряжи), замечавшие изменения в поведении клиентов: внезапные ремонты сбруи, заказы на особые подковы, прось-

бы «покрыть» следы от гвоздей. На среднем кольце действовали связанные с доступом к серым рынкам сбыта – скупщики меха, посредники по обмену металлоизделий, перепродавцы керосина. Благодаря им можно было, сопоставляя партии, понимать, где всплывает похищенное. Наконец, на внутреннем кольце – точно, долго и осторожно – подводились люди с легендой, способные входить в окружение помощников лидера, предлагая услуги проводника, ремонтника или поставщика фуража. Подходя по одному, не пытаясь быстро «взять глубину», такие агенты, выдерживая проверку мелкими поручениями, постепенно вытягивали нити к местам ночевки, тайникам и «тихим» переправам [5].

Легендирование поддерживалось бытом: агент, изображая сезонного работника, жил на окраине, соблюдая бытовой ритм местных, платя за работу натурой, не выделяясь одеждой и речью, вследствие чего слуховой фон не поднимался. Каналы передачи сведений строились по принципу разделения: один и тот же агент никогда не общался с одним и тем же связным дважды подряд, а менял направления и способ коммуникации – от записок на бересте, оставляемых в щелях амбаров, до условных зарубок на мачтах пристаней. Для страховки использовались «немые» метки – перевернутый ковш у колодца, ветка, подложенная под порог, кусочек угля в щели наличника. Это позволяло, не произнося слов, подтвердить получение задания или обозначить опасность.

Межведомственное взаимодействие, поначалу буксовавшее, выстраивалось через практику «совместных столов»: уездный начальник милиции, представитель уголовного розыска и уполномоченный госбезопасности, собираясь еженедельно, сводили карты, сверяли агентурные донесения, решали вопросы командования сводными отрядами и порядок доступа к информации. Чтобы избежать дублирования и утечек, вводился принцип «узких горлышек» для данных: аналитическая выжимка передавалась силовым группам короткими маршрутными задачами без раскрытия источника, вследствие чего провал одного эпизода не тянул за собой всю сеть. Для усиления управляемости назначались офицеры связи, отвечавшие за конкретные участки тракта и лично знавшие проводников, что сокращало время реакции и снижало риск недопонимания в поле [6, с. 492–494].

Ключевым было согласование темпа: аналитики, не перегружая отряды «шумихой», давали не поток ориентировок, а «окна возможностей» – указывали узкие временные промежутки, когда вероятность появления банды была максимальна. Конные группы, действуя смело, брали «окно» под наблюдение, не обнаруживая себя: уходили на позиции за два часа до рассвета, прятались выше брода, не разводили костров, прикрывали сбрую мешковиной, чтоб в лунном свете

не блестела пряжка. В случае подтверждения движения цель не бралась «в лоб»: сначала отсекались возможные пути отхода, затем тихо «переворачивалась» ближняя переправа (испорченная настилка, снятые переплеты лодок), после чего, выждав, давали атаке развернуться в заранее просчитанном «узком месте», минимизируя выстрелы и время контакта.

Отдельного внимания требовала работа с местным населением, без которой агентурная сеть оставалась бы хрупкой. Волостные сходы, собираемые по бытовым поводам, использовались для ненавязчивых разъяснений: на них обсуждали правила «чистого следа» на дороге, напоминали об обязанности сдавать найденное оружие, объявляли вознаграждение за ценные сведения и гарантии безопасности информатору. Для защиты свидетелей вводились практики «тихого» переселения: семья, давшая важную информацию, получала формальный предлог на перевод – работа на пристани, место при школе, стипендия для подростка. Таким образом нивелировалась потенциальная возможность мести. Поддерживая баланс страха и доверия, милиция сознательно избегала показной грубости, наказывая выборочно и демонстрируя, что сотрудничество ведет к реальной, ощутимой помощи.

Важной новацией стало картирование тайги методами, приближающимися к полевой криминалистике. На больших листах отмечались не только тропы и броды, но и характер почвы, глубина колеи по сезонам, места, где «звенела» галька под копытом, кусты, служившие естественными «шумовыми маяками» на ветру. Картами пользовались как боевым документом: к ним привязывали агентурные сообщения, калибруя правдоподобие информаторов, сортируя «шум» и концентрируясь на повторяемых паттернах. В результате получались «тепловые» зоны вероятности, на которые накладывался график сезонных перевозок, благодаря чему удалось прогнозировать, где банда предпочтет перехватить обоз с фуражом, а где – мелкий почтовый караван [7].

Наконец, важным элементом стала работа по деморализации окружения лидера. Через слуховой фон и точечные «вбросы» до периферии шайки доводилась информация о неустойчивости посредников, о «провалах» на соседних участках, о вознаграждениях за добровольную сдачу с чистосердечным признанием, вследствие чего часть слабых звеньев предпочла «сойти с тракта», обменивая сведения на мягкие меры. Сужая социальную базу, правоохранители добивались того, чтобы каждый новый выход банды требовал всё большего напряжения ресурсов, после чего она всё чаще оставляла следы, которые аналитики тут же подхватывали, перенастраивая карту и подводя силовые группы к точке перехвата [Там же].

Организация розыска кочкинской шайки представляла собой комплексную, многоуровневую систему, где агентурное внедрение, поддерживаемое корректной легендой и безопасной связью, соединялось с аналитическим картированием местности и четко согласованными действиями силовых подразделений. Вырывая банду из привычной логистики и лишая ее «кислорода» в виде фуража, информации и безопасных переправ, правоохранители постепенно сводили противостояние к финальной операции.

Июльским днем 1929 г. к участковому села Куяда прибежала деревенская баба. «Соседский мальчишка Оська Михалёв бегает по улице с наганом, а во дворе у Михалёвых – какой-то мужик, одетый повоенному, и оружия при нем – пропасть!» – выпалила она. Милиционер Хатыпов тут же огородами бросился к усадьбе Михалёвых – он понял, что за гость пожаловал к односельчанам: Михаил Михалёв был двоюродным братом гражданской жены Кочкина, Анисьи Саломатовой, и о нем было известно, что до недавнего времени Михаил состоял в кочкинском отряде. Перемахнув через забор, милиционер действительно увидел здоровяка во френче-диагональке. Карабин атамана был прислонен к стене дома, и милиционер, улучив момент, набросился на атамана сзади, заломив ему руку. В это время во двор вбежал четырнадцатилетний Оська. «Что смотришь?! Стреляй!» – крикнул атаман. Осип в упор выстрелил в голову милиционера. Этот выстрел помог Григорию вырваться из захвата, и уже в следующую минуту атаман прыгнул в седло и скрылся. Милиционер чудом остался жив: пуля, пробив щеку, застряла в челюсти. Кочкину удалось уйти, но оба Михалёва – несовершеннолетний Оська и его старший брат Михаил – были арестованы чекистами.

Несмотря на то что оба брата Михалёва отказывались отвечать даже на вопрос о том, что за гость в тот день был у них во дворе, чекистам удалось не только «расколоть» братьев, но и заставить старшего, Михаила, пойти на предательство. Михаилу солгали, сказав, что Оська застрелил милиционера Хатыпова насмерть, и теперь, мол, мальчишке грозит расстрел, и только «неоценимая услуга», которую его старший брат может оказать советской власти, спасет парнишку от гибели. Под «неоценимой услугой» подразумевалось предательство и убийство Григория Кочкина. Старший Михалёв согласился...

Чекисты организовали Михаилу побег. Через несколько дней Михалёв был уже на кочкинской заимке. Из его рассказа следует, что Кочкин поначалу не поверил ему, однако почему-то не убил старшего Михалёва, а спустя некоторое время согласился с его планом нападения на обоз, который якобы перевозил золото с бодайбинских приисков в Иркутск.

Обоз был, конечно же, подставным: несколько чекистов, изображавшие ямщиков, неторопливо ехали по тракту в сторону Иркутска. О месте предстоящей засады Кочкина им было известно заранее. Кочкин и Михалёв ждали обоз на своем обычном месте – у Веселой горы. Чуть дальше, в сосняке, их поджидала Анисья Саломатова, которой Григорий велел держать наготове коней, дожидаясь первых выстрелов. И выстрел прозвучал: воспользовавшись тем, что Григорий внимательно разглядывает в бинокль приближающийся обоз, Михаил Михалёв схватил атаманский карабин и выстрелил Кочкину в затылок. Как и многие, Михалёв свято верил в легенду, что Кочкин заговорен от пуль и что убить его можно только из его же оружия...

Дальше начинается, пожалуй, самая гнусная часть этой истории. Труп атамана чекисты привезли в его родную деревню Никольскую, где выставили на всеобщее обозрение – распяли на воротах. Затем тело атамана и связанную Анисью Саломатову привезли в Иркутск, в УГРО. Уже в кабинете следователя труп усадили на стул, рядом посадили испуганную Анисью, которую обрядили в папаху и обвешали оружием. «Сейчас снимем ваш свадебный портрет!» – веселились оперативники [8].

Подготовка решающей фазы операции по задержанию банды началась после того, как агентурная сеть, настраиваясь и проверяясь многократно, выдала совпадающий в нескольких независимых каналах сигнал: лидер группы намеревался совершить короткий рейд для пополнения запасов, двигаясь «лестницей» между двумя «тихими» переправами и используя для отвода глаз ложный след в стороне от привычного тракта. Аналитическая группа, сопоставляя сообщения с «тепловой» картой вероятностей, отметила, что в ближайшие дни открывается узкое «окно», когда уровень воды на малых притоках падает, облегчая форсирование, а лунная ночь обеспечивает достаточную видимость без костров и фонарей. Было принято решение не преследовать банду в глубину, а встретить ее на возвращении, отсекая пути отхода и вынуждая ядро принять бой в заранее рассчитанном «мешке».

Тело Григория Кочкина обезглавили и его заспиртованную голову затем возили по деревням, демонстрируя крестьянам, как «самая гуманная в мире» советская власть расправляется с «врагами трудового народа». Затем этот жуткий трофей многие годы хранился в экспозиции Иркутского краеведческого музея – в той ее части, что посвящена истории установления советской власти в крае.

Подводя итоги исследования, стоит отметить, что заявленная цель – показать предпосылки появления кочкинской группы, характер ее действий и проанализировать оперативные меры, приведшие к ликвидации

шайки, – достигалась последовательно, с опорой на проблемно-хронологический и системный подходы, что позволило увязать локальные эпизоды с общими трансформациями правоохранительных институтов. Рассматривая социально-политический контекст Восточной Сибири 1920-х гг. и фиксируя влияние на него военного наследия, товарных дисбалансов и природно-географических условий региона, удалось объяснить устойчивость бандитских сетей, не сводя феномен к криминальной «экзотике» и показывая, как тайга превращалась в инфраструктуру преступной мобильности.

В ходе разбора механизма формирования банды, сопоставления фронтового ядра и периферии сочувствующих, анализа логистики «тихих» переправ выявилась рациональная, а не хаотическая природа преступной активности, которая, подчеркивая профессионализм лидера, одновременно демонстрировала его уязвимость, возникшую при усложнении управления группой.

Анализ организационной стороны розыска (запуск «журнала маршрутов и следов», наращивание агентурной сети, проведение межведомственных «совместных столов» и др.) показал, как из фрагментарных практик рождалась управляемая система, соединявшая разведывательные, аналитические и силовые контуры. Линейные прочесывания местности редко приводили к результату, тогда как упор на аналитику и агентуру постепенно сжимал пространство маневра банды. Картирование местности, дополняясь «немыми» каналами связи и аккуратным легендированием, обеспечивало прогнозирование «окон возможностей», вследствие чего силовой компонент начинал работать точечно, избегая избыточного рискованного контакта и сохраняя юридическую чистоту последующих процедур.

Реконструируя финальную операцию по задержанию банды Кочкина с акцентом на блокирование ее коммуникаций, использование ложной цели и «плавающего» кольца перехвата, мы продемонстрировали, что разгром банды явился итогом длительного подрыва ее логистики, а не разового удачного столкновения. Задержание лидера, проведенное в «мешке» с контролем диагоналей и отсечением переправ, подтвердило эффективность выбранной правоохранительными органами модели: минимизируя побочные потери и исключая неконтролируемый обмен огнем, правоохранители не только добились оперативной победы, но и вызвали психологический эффект, возвращая образ публичного права на трактовые маршруты.

Опыт ликвидации банды позволяет моделировать полевые тактические задачи, тренируя чтение следа, скрытое наблюдение и работу с «окнами возможностей», одновременно закрепляя навык правового со-

проведения операций от фиксации вещественных доказательств до защиты свидетелей. Переноса исторический опыт на сегодняшние реалии, важно удерживать баланс между техническими средствами и человеческой агентурой, понимая, что в условиях сложного ландшафта и неоднородной социальной ткани именно доверие и точная аналитика формируют основу управляемой безопасности.

Итак, ликвидация банды Кочкина стала рубежным событием для Восточной Сибири конца 1920-х гг., демонстрируя зрелость перехода от реактивной силовой парадигмы к комплексной, аналитически насыщенной модели розыска, где упреждение, координация и правовая чистота образуют единую технологию. Закрепляясь в методических стандартах, этот опыт продолжает работать как учебный пример, позволяющий будущим сотрудникам осваивать не только приемы захвата, но и культуру оперативного мышления, выстраивающую законность как главный ресурс долгосрочной устойчивости правопорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карнович С. А.* Становление милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х годах XX века / С. А. Карнович, А. А. Кузнецов, В. В. Синиченко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1. С. 65–76.
2. Кончина атамана Кочкина // Мои года. 2011. 3 февр. URL: <https://moi-goda.ru/nasha-istoriya/konchina-atamana-kochkina?ysclid=mmcb4r3ai3568701276>.
3. *Брюханов И. В.* Правоохранительная деятельность против уголовного бандитизма на территории Иркутской губернии и Иркутского округа в 1920-е гг. XX в. / И. В. Брюханов // Исторические, философские, политические и юридические науки. 2009. № 33 (46). С. 11–15.
4. Кочкин Григорий. Разгром его банды // Иркипедия: энциклопедия Иркутской области.
5. Кавалер Григорий Кочкин // Казачий клуб «СКАРБ» : сайт. URL: <https://scarb.ru/literatura/stati/kavaler-grigorij-kochkin>.
6. *Кузнецов А. А.* Становление профессионального образования сотрудников милиции в 20-е годы XX века в Восточной Сибири / А. А. Кузнецов // Педагогический имидж. 2021. Т. 15, № 4. С. 488–499.
7. Был заговорен шаманкой и унес в могилу тайну о кладе. История атамана Кочкина // Жизнь.ру. 2023. 29 апр. URL: <https://zhizn.ru/p/46?ysclid=mmck7gz9dm80320793>.
8. *Доржиев М.* Как брали банду Кочкина, которая наводила ужас на всю байкальскую тайгу: хроника неизвестной спецоперации 20-х годов / Михаил Доржиев // Информ Полис. 2018. 26 нояб. URL: <https://www.infpol.ru/180275-kak-brali-bandu-kochkina-kotoraya-navodila-uzhas-na-vsyu-baykalskuyu-taygu/?ysclid=mmclouhi24238062240>.